

Зудерман Герман

**Гибель Содома. Драма в 5
действиях и 6 картинах**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г38

Г38 **Герман З.**
Гибель Содома. Драма в 5 действиях и 6 картинах / Зудерман Герман – М.: Книга по Тре-
бованию, 2025. – 124 с.

ISBN 978-5-519-86436-7

ISBN 978-5-519-86436-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ко, докторъ...

Вейсе. Здорово какой! Из такихъ домашъ церемо-
ний не приняты

Иммонъ. Для васъ, конечно... Вы бывшій знакомый...
знаменитость... а я...

Вейсе. Что такое вы? Развѣ вы не мой клиентъ?
Развѣ я не заслужилъ права на ваше доверіе, хотя -
бы уже только, что я вотъ уже четыре года раз-
ношу все ваши картины въ своихъ отчетахъ? И
вдругъ вы являетесь ко мнѣ съ запросомъ, гдѣ обрѣ-
тается вашъ старый другъ, Вилли Анниковъ...

Иммонъ. А только что сегодня прибылъ ес-
да и подтопу...

Вейсе. Да вѣдь я васъ и не упрекаю гдѣ онъ
живетъ - я не знаю... Да квартиры мушкетъ и не для
него знать. А за то гдѣ его можно поймать - это
я всегда знаю... Здѣсь, сударь мой, берлога лова... или,
лучше сказать, берлога ловицы... Здѣсь мы его на-
вѣрное словимъ...

Иммонъ. Что же онъ тутъ дѣлаетъ?

Вейсе. (не слушая его). Вы были съ нимъ вместе въ
академіи?

Иммонъ. Да, вместе.

Вейсе. А вы много на десять постарше его?

Иммонъ. А... видите ли... запоздалъ незначительно...
мы жили вместе... Я пользовался гостепріимствомъ
его родителей - жили у нихъ въ деревнѣ. А потомъ, когда
я получилъ много учителя - я потерялъ его изъ ви-
ду... Затѣмъ - когда нашъ мѣстѣ былъ описанъ...

Вейсе. Онъ позанимствовался у васъ?

Иммонъ. (видимо не понимая сразу.) Глупо.

Вейсе. Глуп! Если здѣсь есть „заместитель“.

Иммонъ. Наконецъ, во второй разъ - когда онъ получилъ первую премию на международной Гортосельской выставке.

Вейсе. За „Гибель Софиа“?

Иммонъ. Да.

Вейсе. Хотите ее видѣть?

Иммонъ. А уже два года горю нетерпѣливымъ взять на эту вещь.

Вейсе. Хотите? Это волшебство?

Иммонъ. Какъ?

Вейсе. Смотрите. (Грустно въ кулакъ и затѣмъ обратная рука въ сторону картины.) Тотъ же.

Иммонъ. Вы считаете надо мной.

Вейсе. Глупо. Глупо.

Иммонъ. (стоитъ въ портнѣ, изумленный.) Въ самомъ дѣлѣ... Вотъ она такая.

Вейсе. Ну-съ... что вы скажете? Вѣдь уже тысячу разъ брались заботы съонемъ... но какъ! Впередъ, на цѣпь, стоитъ прекрасный слонъ, окруженный осли и волами - немножко поодаль - его цырура, почти-тѣльно превратившаяся въ столбъ, а вдаль что-то въ родѣ чего-то напоминающее собою три потухающія спички... но вотъ является нашъ Вилли!... онъ бросается прямо въ середину города - улица, видится... Захъ... мужчины, женщины, нѣжя и поудачные, отъяченные, такъ какъ они были на своемъ орѣм, вы-

ме матаясь... Смотрите на эту группу, справа...
Вот то, что порывается - живое отношение. А!

Гилмонь. Господи. Вы на что... я тихая... Я та-
кой штуки я бы не сдержала.

Вейсе. Да? Или злеть? Это зависть в вас
говорит?

Гилмонь. Вы меня тихо знаете... А что это
теперь означает?

Вейсе. Вы слышали: танцует на балаях и
материю костюмы.

Гилмонь. Да говорите вы серьезно.

Вейсе. Совершенно серьезно, почтеннейший.

Гилмонь. Вы меня пугаете.

Вейсе. Пустое... Довел не так страшно. У всяка-
го есть такая точка, после которой всякому даль-
нейшему развитию капец. И по филозофии... Не всякий
достигает той лавинарной вершины, на которых
возвдывают Бисмарк и Гейнхольд... Это
не значит, что надо после этого провалиться в
партизанство... а так, по немножку сползати при-
ходится. Вот я, например, - меня подводу вели-
чают знаменитостью... Раскройте любую газету -
вы встретите мое имя... то оповещают, что
я получил орден, то, что меня лошади поне-
ли, всякая такая несчастия - а все таки я даю
до такого высокого состояния. Широко мой уже
давно кончик... Шире не выходит... Я набросился
на критику. Изд. второго эта я превратился в
критикующего. Я было время - когда в каждой го-

машиней библиотекой я занимаюсь почетное место,
на ряду с поваренной книгой... Тогда мне везло... А
теперь... полный маразм - полное омертвление Да-а,
одно утешение в таком положении - покойно расстел-
нуться. Вот так. (кладет ноги на другое крес-
ло). Как вы думаете?

Ильмонта. А Филипп Анников?

Вейсе. Кладет ноги самое

Ильмонта. Оно то почему же?

Вейсе. Как вы наивны. Отчего он гибнет?
Оно сам этого не знает.

Августин 2^е

Штубе и Барциновский (снова)

Вейсе. Вот что может вам ответить. —
(Небрежно протягивая руку Барциновскому). Скажи-
те, дружище, — извините, что я так расположил-
ся. (Отпускает ноги). Скажите, отчего человек по-
гибает?

Барциновский (тихо биржевика, но без отпущенка
еврейства. Сидит за 40, коротко остриженным боти-
нок, с небольшими ушками. Маленькие бачки на
висках. Изысканной кожаной. Молодится). А-а-а-а!
Странный вопрос... От биржевой пегры... или от...

Вейсе. Да вы то навстречу на этом прогорите...
Вы и от стакана молока бы умерли... Если бы вас
заставили лечь спать раньше половины пятого ут-
ра — вы, я думаю, его и вовсе бы не проснулись
никогда..

Барциновский. Шутник вы, право... А-а-а-а... Шут-

нико. Явно шутитко. (Прерывает его по теме). Но хороший парень!.. (Подает руку Фимону). Отчего вас так давно не видать было? Гость. Не хорошо с вашей стороны... У нас без церемонии... попросту, прямо к обеду.

Фимон. (сконфузленно). Виноват я....

Вейсе. Шш... Замычите - человек помешается от женщины.

Гаруиновский. Конечно... Очень естественно!.. Шутить и спрашивать нечего... Я вас всегда считал за инкантиго, находчивого человека. Ах, слушайте, - вчера я слышал на бирже советский свивенский анекдот - я вам доложу.

Вейсе. В другой раз. Наше дружить не любить эти вещи.

Гаруиновский. Что вы? Шутить? Не надо... Бурфти поплотить и жалеть... но господа вроде вы не то мне поведывали.

Вейсе. Не извольте стесняться. Будете совершенно как форма, или лучше - как будто вас вообще дома нет.

Гаруиновский. Острога среднего сорта. Впрочем... (Подает мне обильно руку).

Вейсе. Счастливого пути!

Гаруиновский. (уходит).

Вейсе. (слова растягиваются на креслах).

Фимон. Кто это такой?

Вейсе. Позавтра форма.

Фимон. Что же вы меня не представили?

Вейсе. Да вроде я вам уже объяснил, что в подробностях домах этикета не полагается.

Илимонь. Он кажется, приняв за другого.

Вейсе. Иисколько. Это только для видимости... Он и понятия не имеет откуда он может знать всех знакомых своей супруги?

Илимонь. Кто он такой?

Вейсе. Дюма думается.

Илимонь. Каким?

Вейсе. Как видите - хороший.

Илимонь. Но какого рода дюма?

Вейсе. Я никогда не выпытываю у людей их секретов.

Илимонь. Но вроде он живет так.

Вейсе. Не споритесь... Вы еще не знаете хитрости фоша. Это только его главное портмоне... Да его никогда и не видно здесь. Иногда только, ради представительства, господа еда, самаеть его рядом с другими паритетными изъ своего круга. Но это не часто бывает... Он все пропитан духами кокетки а это может обезцвечить достоинство его сафона.

Илимонь. А жена?

Вейсе. Жена... эи... нерв и кокетство... В порыве страсти... а в сущности - холодна, как нос здоровой собаки... В претивней играть роль гений великих людей... но они очень робки... придут раз, больше не показываются.. не удается ей быть гением великих, - она мирится с ролью быть демоницей для

мешком... Тут еще племянница имеется... Милый мой маленький чертенок, который порядочно потащанной факторией. Хотя во общем чувствует себя здесь прекрасно. Специальности бельгийская пулярдики... Вмешательство много трофелей - (меланхолически). а трофели - знаете...

Август 3^е Мюссе и Китти

Китти (за сценой). Да где же они, наконец?

Вейсе. Племянница?

Китти (стройная молодая девушка). Говорю, но грациозна. Говорит, больше своих лет, самоуверенна и резка. Добродушна, словорива. Видно не освоилась с окружающей ее обстановкой. Но старается приспособиться и подражает окружающим). Метя сюда клянется быть, доктор... Вы прямо безобразный человек.

Вейсе (указывая на Флемона). Что вы, что вы, Китти?

Китти. Толстая. Гостеприимное лицо. Неприлично, пугающе. Все, что другие находят неприличным - мы называем здесь оригинальным.

Вейсе (рекомендуя). Профессор Флемон. Госпожа Китти Моттенберг.

Китти. Давайте полный формуляр.

Вейсе. Восемнадцать лет... Изображаете наивность.

Китти. Что такое?

Вейсе. Полмиллиона приданого и три тетки, которых состоит единственной наследницей.

Китти. Дальше?

Вейсе. Ицетъ жениха.

Китти. Вѣрно. (Подаетъ книгу). Вы не читаете такового ввиду, господинъ профессоръ?

Вейсе. Безъ замечаній - сударыня.

Китти. Не правда ли, онъ очень много для лирика? Я имъ увлекаюсь даже все его стихи наизусть знаю. (Съ увлеченьемъ). „Волъ сердце матери ты знаешь...“ Вѣрно, не такъ... забываю... Но онъ очень много. - Онъ даже на вѣеръ много написалъ

Дитя, сомнѣній нѣтъ довольно -

Въ тебѣ любовь уже горитъ!

Но тебѣ влечетъ теперь невольно,

И страсть въ очахъ твоихъ горитъ!

Какъ вы находите?

Илимонъ. (Внимательно смотритъ на Вейсе). Я нахожу, что...

Китти. Я нахожу это дерзкимъ... Его влечетъ... такое признаніе неулыбисто, я нахожу... И къ чему? Какъ будто я не понимаю.. Судя по вашему галстуку, господинъ профессоръ, вы сѣдоникъ?

Илимонъ. (Смѣется). Совершенно вѣрно, сударыня.

Китти. Вы знаете „Бибель Содомъ“?

Илимонъ. Я только что смотрѣлъ на нее.

Китти. Картина превосходная... а кто ее писалъ - прямо отвращеніе.

Илимонъ. Коротко и ясно.

Китти. Онъ такъ много о себѣ воображаетъ, - узнаю! Если бы вы видели, какъ онъ смотритъ на

насъ грешников! Вотъ такъ!.. иначе говоря, ты — дѣвченка... что ты тутъ толмачишься... ступай въ дѣтскую!.. Ужасные люди!.. Или одинъ изъ выдающихся людей не ухаживаетъ за нами — барышнями... только за фамиліями. Положимъ, тетя Ада достойна — этого, а другія... Вы уже знакомы съ тетей Адой?

Филимонъ. Знаю еще. Не многого довольствія.

Китти. О! Какая красавица! И чина! Одно жалко не помню, какъ она можетъ быть расположена къ этому Анискову! О, она его любитъ... Положимъ — и онъ тоже увлеченъ ею. Онъ называетъ ее своимъ вдохновеніемъ не знаю только, на что она его вдохновляетъ! Онъ ничего болѣе не дѣлаетъ! — Лютый-вошь и все!

Рейсе. [Филимону]. Даме дѣтки и несовершеннолѣтніе... Однако довольно, Китти... Господинъ профессоръ лучший другъ Фили.

Китти. Что вы! Вотъ такъ попалась! Ужасно, впрочемъ, можете ему передать, безъ стѣсненія. Но если я вамъ причинила непріятность — извиню.

Рейсе. Да онъ не сердится.

Китти. На меня вообще не сердятся никогда... Да я и не обижала никого. Въ сущности я предобрый малый, господинъ профессоръ... Дѣрь только слухая нѣтъ доказать это.

Авгеліе 4^е

Можетъ и Роза. [Слова].

Роза. Господинъ докторъ! Барыня проситъ васъ на минутку къ себѣ. [Уходитъ].

Бейсе. Воспользуйтесь вашим *tête-à-tête* и верните ему голову. Он отец семейства.

Филимонъ (с укоризной). Позвольте, докторъ.

Китти. Ха, ха, ха

Филимонъ. Вамъ понравилась эта шутка?

Китти (затинаясь). Гм... Вы обращаете на это мое внимание. Китти, не понравилась... А обыкновенно... мы такъ къ этому привыкли...

Филимонъ. Вы выросли в этомъ доме?

Китти. Что вы! Я всего годъ только, какъ пришла. Деревенская наивность - сразу въ водоворотъ культи-торн. У той тетки мнѣ было ужасно скучно. - Я просто убожалась отъ нея.

Филимонъ. Какъ? Прямо убожались!

Китти. А что? Умъ у меня натура такая.

Филимонъ. И такой видъ культиторы вамъ нравится?

Китти (смотритъ на него изумленно и потопомъ за-носчиво). Да нравится. Отчего же оно можетъ не нравиться? Вы давно заладили дружбу съ Янко-вымъ, господиномъ профессоръ?

Филимонъ. Мнѣ въсемъ тому назадъ. У насъ былъ общій учитель. Мы оба его очень любили.

Китти. Тогда онъ, вѣроятно, былъ дружокъ?

Филимонъ. Не знаю... не думаю.

Китти. Какой онъ былъ преида?

Филимонъ. Вы слышали когда нибудь „Фиделлутовъ“?

Китти. Конечно. Кто же ихъ не слышалъ?

Филимонъ. Такъ вотъ, видите ли, мы называли
Эдвардомъ